

ТОТ КТО НЕ СПИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВЕСЬ МИР —
ЛИШЬ ПЛОД ВООБРАЖЕНИЯ

илья Насыртдинов

Тот кто не спит

«Автор»

2026

Насыртдинов и.

Тот кто не спит / и. Насыртдинов — «Автор», 2026

"Тот, кто не спит" — это история о человеке, который однажды понял, что в его голове живёт кто-то ещё. Сергей не знает, кто это: его второе «я», болезнь или нечто, пришедшее из другого мира. Голос говорит с ним странными фразами: «Ты — окно», «Ты должен выбрать». Параллельно в его жизни появляются люди: добрая коллега Марина, грубый водитель автобуса Димка, начальница, потерявшая сына, и таинственная Алиса, которая, кажется, видит Серёжу насквозь. Но чем ближе он к счастью, тем громче становится голос. Книга балансирует между мистикой и реализмом, между внутренним монологом и внешним миром. В финале автор задаёт вопрос: что, если вся наша жизнь — это только чей-то сон? И что остаётся от нас, когда сновидец просыпается?

© Насыртдинов и., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Начало	5
Глава 2. Тот кто не спит	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Илья Насыртдинов

Тот кто не спит

Глава 1. Начало

Когда мы ищем Бога, мы ищем выход из его головы. Когда человек молится, он думает, что обращается к Творцу. Но что, если на самом деле его молитва — это стук в стенку череп
Илья Насыртдинов

Я не был религиозным. Не верил в судьбу, не загадывал желания, не смотрел на звёзды. Я жил, Работал. Спал. Был просто серой мышью

Всё изменилось в четверг, 13 апреля, в 3:47 утра. Я проснулся от того, что внутри головы было слишком тихо. От мыслей, которые засели где-то там, в глубине. Я лежал, смотрел в потолок, и впервые в жизни мне пришло в голову: «Что, если я уже не живой? Что, если ты — проекция чего-то другого мира?». Обычно мысли приходят и уходят. Они не оставляют следа. Но эти — застряли. Как будто кто-то вложил их мне в голову. Я попытался отмахнуться: «Глупости. Ты просто не выспался».

Но голос внутри мой собственный, — ответил: «А если нет? Если ты правда не спишь? Если ты проснулся в этом теле впервые, и до этого его кто-то другой управлял им?»

Я сел на кровать. Один в темноте. Но мне казалось, что за моими глазами кто-то смотрит изнутри и тоже пытается понять: кто здесь главный? Ощущение было такое, когда долго смотришь в зеркало и перестаёшь узнавать себя. Только теперь я смотрел не в зеркало а в себя. И там, в глубине, где обычно живут сны, было слишком темно.

Я встал и подошёл к зеркалу.

Посмотрел в зрачки и спросил:

— Ты слышишь меня?

Отражения в зеркале молчало. Но внутри что-то дрогнуло. Ощущение было что меня кто-то слушает.

Утром я проснулся и не вспомнил всё, что было ночью.

Не то чтобы стёрлось. Просто утро накрыло меня своей тяжелой волной. Будильник — 5:40. Рука сама нашла кнопку. Ноги в тапочки. Тело в душ, зубы, чай, бутерброд. Всё как всегда.

Я даже не вспомнил тишину. Я просто закрыл дверь квартиры и пошёл на остановку.

Корпоративный автобус ждал. Тупой, жёлтый, пахнувший соляной кислотой и чужими судьбами.

Я сел на своё место. Рядом сидел мужик с одышкой и читал новости с экрана телефона. Женщина напротив красила губы, не глядя в зеркало. Ей казалось, что она красивая.

По пути я уснул. Меня укачали ямы на дороге, словно колыбель.

А проснулся от того, что мою ногу грубо пинает водитель автобуса.

— Серёга! Ты че, всю ночь наяривал? Просыпайся, приехали!

Голос Димки — хриплый, с хохотком, с той особенной наглостью, которая появляется у людей, когда они сидят за рулём и чувствуют свою власть над пассажирами.

Я открыл глаза. Вокруг уже никого не было. Только я, Димка и его вечная улыбка человека, которому плевать на всё.

— Смешно, — сказал я. — Очень смешно. Тебе бы в стендап, а не автобус водить.

— Ладно, не обижайся, если не шутить — сдохнуть можно. — Он хлопнул меня по плечу своей тяжёлой ладонью. — У меня и так жизнь сплошной цирк.

Ты знаешь, теперь на алименты почти всю зарплату отдаю — на секунду его голос дрогнул. — А она... ну её, короче. Коза.

Димка молодой, 28 лет, на два года старше меня. Но ведёт себя так, будто он мой отец. Грубый, самоуверенный, с вечной сигаретой за ухом и запахом перегара, который он пытается скрыть жвачкой.

У него есть сын. Два годика, кажется. Или три. Он иногда показывает его фото в телефоне — смазанные, кривые снимки, где пацан сидит в песочнице с совершенно пустым взглядом. Как будто тоже понимает, что его папаша — тот ещё скользкий тип.

Я смотрел на Димку, слушал, как он жалуется на жену, на алименты, на жизнь, и думал: «Неудивительно, что она ушла».

Он не злой. Он просто пустой. Как пластиковый стаканчик, из которого кто-то выпил воду и выбросил.

— Ладно, Серёга, давай вылазь. Работа ждёт. — Он подмигнул мне и отвернулся к рулю.

Я вышел из автобуса и увидел его. Громадный, грязный, вонючий завод по производству труб. Он стоял среди серого неба, как больной зверь. Из труб валил пар. Запах масла и пота висел в воздухе плотным туманом. Каждый день я входил в эту пасть и каждый день выходил из неё живым, но пустым.

Я не был начальником. Не был инженером. Я был просто бухгалтером. Серый человек в сером кабинете среди цифр.

Моё место в конце коридора, за старой дверью с облупившейся краской. Кабинет номер семь. Две женщины, два абсолютно разных мира, один запах растворимого кофе и вечной усталости. А другой — цветов и кошачьей шерсти и доброты.

Марина — добрая, светлая. Волосы белые, глаза голубые и такое вытянутое лицо. Ей под сорок, она не замужем. Интересно, почему: ведь такой хороший человек давно мог найти себе половинку. Она всё время улыбается. Приносит печенье, спрашивает, как дела, иногда рассказывает про своих кошек. Её мир тёплый, деревенский, с запахом мяты и чистых простыней. Даже когда она заполняет отчёты, кажется, что она делает это с любовью.

Юлия Сергеевна — моя непосредственная начальница. Ей пятьдесят два, но она выглядит на все шестьдесят. Глаза как две льдинки. Голос сухой. Она не здоровается, не благодарит и не прощается. Она говорит только по делу, и каждое её слово — как удар канцелярским ножом. Её мир давно сгнил. Возможно, всё потому, что на её столе стоит фотка молодого парня в форме, и я думаю, это её сын, который пропал на войне. Я чувствую это по тому, как она смотрит на часы, как скрипит её кресло, как она жадно пьёт чёрный кофе без сахара, будто пытается погасить внутри себя огонь, которого уже нет.

Она ненавидит Марину. За то, что та дышит за то, что та счастлива без причины. А меня... я для неё просто винтик. Скрипучий, но пока нужный.

Я сел на своё место. Включил компьютер. За окном шумел завод. Рядом Марина ставила чайник. А Юлия Сергеевна смотрела в монитор и молчала.

Я начал разговор с Мариной, просто чтобы отвлечься от свинцового молчания Юлии Сергеевны.

— Марин, а как у тебя дела? Как кошки?

Она подняла глаза от бумаг и улыбнулась той своей тёплой, чуть сонной улыбкой.

— Да всё хорошо, Серёж. Сонька опять вчера с балкона сигала, пришлось ловить. А ты как? Как дела с судом?

Я выдохнул. Она ткнула меня в больное место.

— Ах... суд... — я откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок. — Всё тянется. Эта история уже заеб... уже замучила меня.

Это случилось три месяца назад. В наш маленький городок пришли инновации — электросамокаты. Я тогда взял в аренду, ветер в лицо, свобода, все дела. Вечер, темно, я гнал по тротуару. Не заметил человека. Он просто вынырнул из ниоткуда.

Я сбил его. Он упал. Под головой растеклась лужа крови. Я стоял над ним, и внутри всё оборвалось. Я думал: «Всё. Тюрьма. Это конец. Я убил человека».

Помню, я даже не вызвал скорую. Стоял, как идиот, и смотрел на него. Потом подбежали люди, закричали, кто-то вызвал врачей. Он был жив. Без сознания, но живой.

Теперь мы судимся. Он требует компенсацию. Я его понимаю, я бы на его месте тоже требовал. Но сумма... она для меня не подъемная. Я бухгалтер, я знаю цифры, но эти цифры Огромные.

Но Марине я ответил по-другому, зачем забивать ей голову моими проблемами:

— Да нормально всё, Марин, — улыбнулся я. — Суд как суд. Живём дальше.

Она хотела спросить ещё, но увидела мои глаза и не стала лезть. Умная женщина. Она знала, что я скажу «нормально», даже если внутри всё горит.

— Ну смотри, а то ты какой то напряженный — я рядом, — сказала она.

— Марин, — сказал я, — ты никогда не думала... в чём смысл жизни?

Она отставила кружку. Не засмеялась. Не удивилась. Просто посмотрела на меня так, будто этот вопрос она задавала себе тысячу раз.

— Думала, — ответила она просто. — Мне кажется, смысл в любви. И в том, чтобы создать нового человека. Продолжить что-то. Сделать мир теплее хотя бы для одного. А ты как думаешь, Серёж?

Я пожал плечами.

— Я не знаю. Это слишком сложная тема. Как будто его вообще нет. Как будто мы просто ходим кругами, а смысл от нас ускользает.

Марина вздохнула, поправила воротничок и улыбнулась той улыбкой, от которой даже серый кабинет становился чуть светлее.

— Ой, да ладно, Серёжа. Смысл есть всегда. Ты просто молодой. Ты найдёшь его. Не сразу. Но когда он тебя найдёт — ты поймёшь. И тогда уже не согласишься.

Она встала, забрала кружку, пошла к чайнику. А я сидел и смотрел ей вслед. Она не знала, что я давно перестал чувствовать себя молодым. Что я уже потерял что-то важное ещё до того, как понял, что это было.

Но почему-то от её слов стало легче. Как будто она впустила немного света в мой серый кабинет.

Юлия Сергеевна, не поворачиваясь, сухо бросила:

— Разговоры о смысле жизни не повышают производительность труда. Если хотите — обсуждайте это в обед.

Я закатил глаза, но промолчал. Марина хихикнула в чашку.

Я уткнулся в экран и так прошёл весь день.

Рабочий день кончился не тогда, когда стрелки часов показали шесть. Он кончился, когда я перестал чувствовать пальцы от клавиатуры, а цифры начали плыть перед глазами. Я закрыл программу, выключил монитор и просто сидел минуту, глядя в чёрный экран.

— Серёж, ты домой? — спросила Марина, натягивая пальто. — Подвезти? У меня тут зонт есть, дождь начинается.

— Спасибо, Марин. Я на автобусе. Так привычнее.

Она посмотрела на меня с лёгкой жалостью — и кивнула.

— Тогда осторожнее. Не забудь, что ты не железный.

Я улыбнулся ей, но улыбка вышла кривой. Вышел из кабинета и почувствовал, как на плечи навалилась усталость. Такая вязкая, липкая, от которой хочется лечь прямо на бетонный пол и не вставать.

Автобус стоял уже у проходной. Я залез в него последним, плюхнулся на свободное место у окна.

Димка глянул на меня в зеркало заднего вида и заржал:

— Серёга! Ты сегодня вообще живой? Выглядишь как тень.

Я ничего не ответил. Отвернулся к стеклу.

За окном мелькали столбы, дома, грязные лужи, в которых отражались огни. Дождь действительно начинал моросить. Капли разбивались о стекло и стекали вниз.

Я прижался лбом к холодному стеклу и закрыл глаза.

За день я ни разу не вспомнил ту ночь.. Но сейчас, когда в автобусе пахло усталостью, тишина вернулась. Она сидела у меня внутри.

«Слышишь меня?» — спросил я мысленно. Ответа не было. Только шум дождя и рык двигателя.

Мы остановились на светофоре. За стеклом я увидел человека, в желтом плаще очень похожего на себя. Он казался счастливым. И тут наши взгляды встретились: он смотрел на меня с неестественной улыбкой. Я помотал головой туда-сюда — и он исчез. Стало жутко возвращаться домой: ночная тишина, и ещё и это.

Автобус остановился у моей остановки. Я вышел, не глядя на Димку. Вышел и понял, что дождь уже не моросит, а лупит по лицу тяжёлыми холодными каплями. Ветер гнал мусор по асфальту. Я поправил воротник и зашагал к дому.

Три подъезда. Грязная лестница. Лифт не работает вторую неделю. Пятый этаж. Каждый шаг как преодоление собственного веса.

Ключ повернулся в замке с противным скрипом. Я перешагнул порог и закрыл за собой дверь. Темнота встретила меня плотной тишиной. Я не стал включать свет. Наощупь скинул ботинки, повесил куртку, прошёл в комнату.

Упал на диван. И стало пусто.

Не как в ту ночь и не как в автобусе, а было по-другому. Эта пустота была тягучей. Она заполнила квартиру, легла на грудь, сжала горло.

Я лежал в темноте и смотрел в потолок. Где-то за стеной сосед включил телевизор. На кухне капал кран. За окном выла сирена. Обычные звуки города, которые я раньше не замечал. Сейчас они казались чужими. Фальшивыми.

Я закрыл глаза. И внутри, в тишине, я услышал голос.

Не слова. Только ощущение. Чужое внимание. Кто-то смотрел на меня изнутри, оттуда, где живут нейроны.

— Кто ты? — прошептал я в темноту.

Тишина. Никакого ответа. Но я знал: оно там есть.

Я встал, подошёл к зеркалу. Снова увидел свои глаза, морщины и усталость. И за ними что-то неуловимое, что я не мог разглядеть.

— Ты слышишь меня? — спросил я снова.

На этот раз мне показалось, что я услышал ответ. Он был тише дыхания.

— Слышу.

Я вздрогнул. Отшатнулся от зеркала. Сердце забило где-то в горле.

Глава 2. Тот кто не спит

Он сказал: «Я слышу тебя». И в ту же секунду мир перестал быть плотным, квартира сжалась, а он стал больше. Или наоборот: он сжался, а мир остался прежним. Я попытался убежать в сон. Но сон не пришёл. Вместо сна пришло ощущение, что моя голова — это комната, в которой кто-то ходит. Там, внутри, рождались и умирали мысли. Не мои а чужие.

— Ты всего лишь один из миллионов, — сказал голос. — Но ты единственный, кто услышал.

Я замер. В голове пульсировало: «Из каких миллионов?» Я не произнёс это вслух. Я просто подумал.

И голос ответил. Спокойно:

— Нет. Ты не сходишь с ума. Просто мир не такой, как тебе кажется.

Я сжал виски. Холодный пот выступил на спине.

— Ты слышишь мои мысли? — прошептал я.

Тишина.

А потом голос сказал тихо, как будто объяснял ребёнку:

— Ты не заложник, Серёжа. Ты — окно. Я смотрю через тебя наружу. Мы связаны. Это не тюрьма, а... соседство.

Я хотел закричать. Но не смог. Я просто стоял посреди своей комнаты, смотрел в одну точку и чувствовал, как реальность трещит по швам.

— Если я окно, значит, ты привязан ко мне. Так кто же из нас заложник?

Голос не ответил. И это молчание было тяжелее любых слов.

После этого разговора я не спал всю ночь. Ворочался, как рыба на суше. Сбивал подушку, вставал пить воду, ложился обратно. Мысли лезли одна за другой. Я пытался их не думать, но они думались сами собой.

«Может, я схожу с ума?» «Или это правда что-то серьёзное?» «Завтра отпрошусь пораньше и пойду к психотерапевту». «Или вообще возьму отпуск и улечу на Гаити». На Гаити, блин.

У меня даже денег на такси до метро не всегда есть, а я туда же. Но в голове это звучало как спасение. Как будто смена географии могла сбросить груз, который сидел внутри меня. Утром я встал как штык. Ноги ватные, глаза красные, в голове гул пустого зала. Я подошел к зеркалу и выглядел как выжатый лимон, который ещё пытается казаться фруктом. Смотря в зеркало, я увидел своё отражение, смотрящее на меня с широкой улыбкой. Я умылся — и оно исчезло.

Я не хотел ни с кем общаться. Ни с Димкой, ни с Мариной, ни с этим проклятым миром. Поэтому я решил поехать на такси. Впервые за полгода. Просто чтобы не слышать ничьего дыхания рядом.

Но вселенная решила пошутить.

Я сел на заднее сиденье старого «Логана». Водитель обернулся, улыбнулся во весь рот и выдал:

— О, братан! Ты как? С лица прям упал. Не спал? Или баба замучила?

— Не спал, — буркнул я, глядя в окно.

— А, ну да, бывает! — Он засмеялся, не обижаясь на мой тон. — У меня знаешь как? Трое детей. Старший в школе, средний в сад, у младшего зубы режутся. Спать вообще не приходится! А ты чего? Работа? Квартира? Жизнь?

Он говорил и говорил, а я смотрел на его руки. На обручальное кольцо. На потёртый руль. На его лицо — уставшее, но живое. Он был здесь. В своём мире. В своей семье. В своих детях.

Я завидовал ему. Чисто, по-человечески. Он был занят жизнью, а я был занят тем, что во мне живёт кто-то другой.

— Слушай, а ты веришь, что мы могли бы жить в чьей-то голове?

Таксист посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Улыбнулся шире.

— О, я смотрю, ты философ! Ну смотри: если мы в чьей-то голове, значит, тот чувак очень плохо спит. Потому что у него в голове столько бардака, что даже я бы не выдержал. А когда у меня в голове бардак я начинаю его сортировать общаясь с самим собой

Он засмеялся. И я невольно улыбнулся.

Не потому что было смешно. А потому что его мир был таким простым. Таким человеческим. В нём не было заложников, окон и миллиардов вселенных. Только дети, жена и работа.

Мы доехали до работы. Я отдал деньги, вышел из такси. Машина уехала, а я стоял на тротуаре и смотрел ей вслед.

«Дурак», — сказал я сам себе. — «Ты даже не спросил его имя».

Голос внутри молчал.

И в этом молчании мне показалось, что я — самая одинокая вселенная в мире.

Остаток дня прошёл... ну как сказать. Нормально. Если называть нормальным то, что эта старая мымра Юлия Сергеевна ворчала на каждую цифру, будто я лично украл у неё пенсию. Я молчал. Просто сидел и смотрел в монитор,

пока она сыпала сухими, колючими фразами:

— Вы опять перепутали графы, Серёжа. Вы вообще смотрите, что вводите? Или вам всё равно?

Я кивал. И внутри себя улыбался. Я знал: она не видит, что у меня в голове. Она видит только таблицы. А там, за таблицами, миллиарды миров, которые даже не знают, что она существует.

Марина пару раз пыталась завязать разговор. Спросила про здоровье, про погоду, про то, не хочет ли Серёжа чаю. Я отвечал односложно. Она не обижалась. Я думаю, она чувствовала, что я не в настроении. И оставляла меня в покое.

Она единственная, кто умел молчать рядом со мной. Не давя, не лезет в душу. Просто быть. Я благодарен ей за это.

К концу дня я понял, что не хочу домой. Никуда не хочу. Я хочу сидеть здесь, в этом сером кабинете, смотреть в таблицы и не слышать тишину. Тишина страшнее любой Юлии Сергеевны.

Я взял папку с отчётами, открыл её, нацепил очки и сделал вид, что углубился в работу. Думал, может, она оставит меня до ночи. Но мымра как будто почуяла это.

Она подошла к моему столу, сняла очки и сухо бросила:

— Серёж, шуруй домой. Я вижу, ты сегодня ни на что не годен. Подчищай хвосты завтра с утра. Вали.

— Юлия Сергеевна, я могу посидеть. У меня ещё есть...

— Я сказала: шуруй. Не задерживай других. Марина тоже домой хочет, а из-за тебя будет сидеть и делать вид, что работа есть.

Марина встала, взяла сумку, виновато улыбнулась.

— Я правда уже собиралась, Серёж. Не обижайся, завтра доделаем.

Я хотел возразить, сказать, что мне нужно здесь. Что я боюсь идти домой. Но я не мог сказать это вслух. Как объяснить начальнице, что я боюсь собственной квартиры, потому что там внутри меня кто-то говорит?

Я встал, сложил бумаги в стол. Надел куртку, вышел в коридор.

Дверь за мной закрылась. И я остался один.

На улице снова моросил дождь. Я стоял под козырьком и смотрел, как капли разбиваются об асфальт. Домой не хотелось. А идти было некуда. Я достал телефон, посмотрел на номер

таксиста. Не на того, утреннего. А просто... какой-то другой. Я хотел вызвать машину и просто ездить по городу. Кругами. Не думая. Не останавливаясь.

Но я нажал на кнопку «Отмена» и сунул телефон в карман.

«Похер», — сказал я сам себе. — «Похер на всё».

И медленно побрёл к автобусу.

Голос внутри молчал. Но я чувствовал его присутствие, как чувствуют чужой взгляд в тёмной комнате. Он ждал и знал, что я вернусь.

Я зашёл в квартиру. Не включал свет. Прошёл на кухню, сел за стол, положил голову на руки. Темнота обнимала меня, как старая подруга. Я даже не чувствовал усталости. Только пустоту.

И тогда он заговорил.

— Ты ждал меня.

Я не вздрогнул. Я просто сидел и слушал.

— Нет. Я надеялся, что ты ушёл навсегда.

— Я не могу уйти. Я — часть тебя. Мы связаны. Ты чувствуешь это. Поэтому ты и не хотел возвращаться домой.

Я поднял голову. В темноте ничего не было. Только я и его голос внутри.

— Зачем ты со мной говоришь? Что тебе нужно?

— Мне ничего не нужно. Я просто хочу, чтобы ты понял.

— Что понял?

Голос замолчал.

А потом сказал тихо, почти по-человечески:

— Ты должен выбрать.

— Что выбрать?

— Смотреть вверх или смотреть внутрь. Ты не сможешь смотреть в обе стороны сразу. Если ты будешь искать Того, Кто Снаружи, — ты потеряешь себя. Если ты будешь жить внутри — ты никогда не узнаешь правду. Ты должен выбрать, Серёжа. Потому что знать всё и жить — невозможно.

Я сидел в темноте. На кухне тикали часы. За окном капал дождь. Где-то за стеной плакал ребёнок.

— А если я не хочу выбирать? — прошептал я.

— Тогда ты останешься здесь. Между двумя бесконечностями. И это — самое одинокое место во Вселенной.

Я медленно встал, подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу. Внизу горели фонари, ездил машины, шли люди. Они не знали, что я стою здесь, на краю собственной головы, и говорю с тем, кого никто не слышит.

— Ты говоришь, как человек. Но ты ведь не человек. Кто ты?

— Не помню...

Я задержал дыхание.

— Кто ты? Кто тебя оставил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.